

съ задумчивымъ лицомъ отъ больного, говорилъ: «онъ не переживетъ эту ночь», а на другое утро, когда онъ снова приходитъ въ домъ больного, его отъ лица послѣдняго привѣтствуетъ несомнѣнная побѣда жизни! Подобно и дѣатели, посвятившіе себя на борьбу съ пьянствомъ, нерѣдко переживаютъ счастливые моменты, когда видятъ въ своихъ трудахъ и заботахъ проявленіе чудесной побѣды благодати, такъ что въ этомъ случаѣ мы въ правѣ сказать: «что невозможно у чловѣка, возможно у Бога».

Боголюбивые отцы и братіе! Трудно, очень трудно при неоднократныхъ неудачахъ и обманутыхъ надеждахъ сохранить вѣру въ успѣхъ дѣла и при упорныхъ противодѣйствіяхъ продолжать любовь къ нему, равно какъ продолжать состраданіе и милосердіе къ такимъ неисправимымъ алкоголикамъ, которые постоянно уничаютъ все, что сдѣлала любовь для нихъ и ихъ семействъ.

Это также составляетъ нѣчто такое, къ чему въ полной мѣрѣ приложимы слова Господа: «у чловѣка это невозможно». Одна наша чловѣческая любовь быстро истощается, и изъ опыта мы усматриваемъ, какъ часто воодушевленіе и энергія, съ которою кто-либо вступаетъ въ ряды наши, чрезъ нѣкоторое время ослабѣваетъ, разочаровывается и опускаетъ руки.

Иначе здѣсь и быть не можетъ. Кто ничего не приноситъ съ собою, кромѣ своей собственной силы, тотъ не можетъ надолго сохранить энергію и непоколебимую вѣрность своему дѣлу. По-чловѣчески это невозможно.

Но Богъ можетъ и невозможное сдѣлать возможнымъ. То, чего мы не имѣемъ и чего сами себѣ не можемъ дать, это даетъ намъ Богъ въ Своей благодати: Онъ даетъ любовь и вѣрность, которая можетъ не начинать только, но и продолжать и доводить до конца, которая дѣлаетъ свое дѣло не тогда только, когда оно приятно и легко, но и тогда, когда требуетъ усиленнаго труда и борьбы.

Вознесемъ же, отцы и братіе, горячую молитву ко Всевышнему, да исполнитъ Онъ насъ, выходящихъ на борьбу съ такимъ сильнымъ врагомъ, какъ пьянство, любовь и мудростію, кротостію и терпѣніемъ, дабы мы, откинувъ всякую гордость и самонадѣянность, не теряли надежды на Бога, выну памятуя слова Писанія: *благоесть уповати на Бога и не полагаться на чловѣка*. Аминь.

Рѣчь архимандрита Арсенія, произнесенная при нареченіи его во епископа Пятигорскаго, викарія Владикавказской епархіи.

Ваше святѣйшество!

Богомудрые архиереи и отцы!

Предстоя въ эти минуты предъ вами, нарекаями меня во епископа града Пятигорска, я исполненъ священнаго трепета за предстоящее мнѣ служеніе. Многіе мои предшественники, стоявшіе на этомъ же мѣстѣ въ подобномъ моему положеніи, въ рѣчахъ своихъ раскрывали величіе святительскаго сана, указывали на немощность собственныхъ силъ, на трудность малой чловѣческой ладѣ нести великое бремя епископства. Эти же мысли и чувства волнуютъ и меня въ настоящее время, святители Христовы, и я прошу вашихъ святыхъ молитвъ объ укрѣпленіи моихъ слабыхъ духовныхъ силъ для надлежащаго исполненія моего будущаго званія. Но, признаюсь, въ то же время я испытываю нѣкоторую радость по поводу сегодняшняго моего нареченія. Я родился, воспитался, провелъ большую часть жизни въ Варшавѣ—этомъ центрѣ воинствующаго противъ насъ католицизма въ нашемъ государствѣ, жители коего, особенно высшіе слои его, отличаются крайней озлобленностію ко святой Церкви и ея служителямъ. Я радуюсь тому, что въ моемъ лицѣ одинъ изъ уроженцевъ этого злобствующаго про-

тивъ Церкви града впервые за время его существованія причисляется къ сонму ея епископовъ. Сегодняшнее событіе является доказательствомъ силы нашей Церкви и я дерзаю назвать себя духовнымъ сыномъ Церкви въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ минуты сосредоточенности обращаюсь къ своему прошедшему, то нахожу, что Церковь, и она одна только, направила меня на ту стезю, на коей я нынѣ утверждёнъ. Ни семья, стоявшая фактически внѣ церковной ограды, ни среда, окружавшая меня, ни условія воспитанія въ гимназій съ почти сплошь ино-вѣрнымъ составомъ товарищей по скамьѣ, ни обученіе въ университетѣ, столь часто губящее всякую релігіозность, не могли сами по себѣ выработать во мнѣ релігіознаго направленія, а тѣмъ болѣе православно-церковнаго: они могли, наоборотъ, или обезличить меня релігіозно, какъ это бываетъ нерѣдко на этой крайнѣ съ молодыми людьми, подающими Церкви вначалѣ, повидному, добрыя надежды, или даже направить душу, ищущую Бога, въ сторону темнаго запада. Всемилостивый Господь уберечь меня и отъ пагубнаго релігіознаго индифферентизма и отъ сѣтей ловчихъ датиства и чрезъ Церковь Свою оживилъ во мнѣ тѣ релігіозно-правственныя стремленія, которыхъ не чужда была душа моя съ ранней юности. Блескъ золотыхъ главъ церквей, мощные звуки колоколовъ, умиленные церковные нагѣвы, торжественность архіерейскихъ служеній дали мнѣ равно возможность инстинктивно восчувствовать внутреннюю красоту греческой вѣры, внѣшнимъ выраженіемъ коей является наше церковное благолѣпіе. Да сподобить меня Господь въ будущемъ моемъ служеніи со всякимъ усердіемъ имѣть рвеніе о красотѣ Господней и плѣнять ею людей, подобно тому какъ самъ я былъ плѣненъ ею! Что было въ дѣтской душѣ насаждено релігіозной внѣшностью, то въ болѣе позднемъ возрастѣ полито и воздѣлано внутреннимъ богатствомъ нашей Церкви—

глубокимъ водержаніемъ ея богослуженія и богословія, высокою христіанскаго идеала жизни въ православномъ ея пониманіи, нравственными стремленіями нашего общества, руководимаго Церковью, преимущественно предъ западнымъ, благодатью Божіей, сіявшею и сіяющею въ сонмахъ святыхъ восточной Церкви. Пусть Господь умудритъ и меня раскрывать эти духовныя богатства ея, столь часто оспариваемыя въ послѣднее время, умственному взору нашего общества, а меня самого Его благодать да содѣлаетъ живымъ носителемъ духа Христова, хранящагося въ Церкви! Церковь же показала мнѣ добрыя примѣры истиннаго пастырства въ лицѣ досточтимыхъ моихъ законоучителей, изъ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ украшаютъ собою Варшавскую епархію. А какою призывъ къ пастырству можетъ быть увлекательнѣе и краснорѣчивѣе тѣхъ проявленій любви и преданности, которыми Варшавская публика всегда озаряла своихъ архипастырей? Да пошлетъ и мнѣ Господь такое служеніе Ему, которое вело бы къ свѣту пасомыхъ и въ то же время не дѣлало бы моего жезла тягостнымъ для другихъ, которое скрѣпляло бы меня христіанскими узами съ сопастырями и стадомъ.

Благодарю Господа Бога за то, что Онъ сподобилъ меня принадлежать къ овцамъ Его пажити; благодарю Его и за путь, пройденный мною въ монашествѣ и двухъ степеняхъ священства и прошу вашихъ святительскихъ молитвъ о томъ, дабы ничто зазорное въ моей жизни не опорочило того званія, къ которому вы сегодня нарекли, дабы оно никогда не поносилось изъ-за моей личности, наоборотъ, дабы чрезъ нее чувствовалась всѣми живая и спасительная сила Церкви.

